

ШАМШУРИН Алексей Андреевич

**СООБЩЕНИЕ СМЫСЛОВ СОЦИАЛЬНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО
В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ**

Специальность 5.7.7. – Социальная и политическая философия
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Работа выполнена на кафедре философии и гуманитарных дисциплин
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Удмуртский государственный университет»

*Научный
руководитель:*

Полякова Наталья Борисовна, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

*Официальные
оппоненты:*

Аганов Олег Дмитриевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Частного образовательного учреждения высшего образования «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова»

Некита Андрей Григорьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

*Ведущая
организация:*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Защита состоится «8» октября 2024 г. в 15 часов 00 минут на заседании Диссертационного совета 24.1.143.02 Института философии РАН по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Зал заседаний Ученого совета (комн. 313).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института философии РАН:

https://iphras.ru/uplfile/diss/shamshurin/dissertatsiya_shamshurin_%D0%98jevsk.pdf

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета 24.1.143.02,
кандидат политических наук

В. А. Подольский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Смысловая сообщаемость социального и экономического еще не являлась отдельным предметом социально-философских исследований, однако в дискурсивном пространстве знания она присутствует постоянно. Несмотря на то, что категория «экономика» может отсутствовать в тексте социальной теории, она маркирует его экономическими метафорами (К. Касториadis). Дело в том, что разные исследовательские точки зрения, интерпретирующие социальное, контекстуально инкорпорированы в экономику, которая претендует сегодня на главенствующее положение в описании общества. Можно констатировать, что в настоящее время экономическая теория является основным кандидатом языкового способа производства социального, а экономическое становится системой представлений, теоретическим конструктом общества (Ж. Бодрийяр). Вследствие этого социальное лишается своеобразия и переписывается вездесущим для социума экономическим нарративом. Социальная смыслоположенность подменяется экономической.

По этой причине экономика оборачивается социальной теорией, а экономическое принимает вид социального мышления. Отсюда следует возникновение иллюзии самозамкнутости экономики в дискурсивных формах саморепрезентации. Экономическое самописание начинает производить языковые структуры социального, и становится определяющим, повсеместным, тотальным, то есть господствующим социально-экономическим дискурсом (Дж. Агамбен). Главенствующее дискурсивное положение экономики в сообщаемости смыслов социального и экономического выступает проблемой социально-философских исследований, направленных на анализ общественных отношений.

Современная концептуализация социального такова, что его основания обнаруживаются в экономическом мышлении. Производство социального заключается в скольжении его имен, заданных экономикой. «Общество потребления» Ж. Бодрийяра берет свое смысловое начало в предикате потребления. Теоретическое описание социального раскрывается в дискурсе производства потребностей, который проговаривается через язык политической экономии знака. Суть состоит в потреблении знаков ради продолжения их воспроизводства. «Общество доверия» Ф. Фукуямы базируется на теории кредитного капитала, соответствующего экономике фиатных денег. «Общество знания» А. Горца зиждется на структуре когнитивного капитала. Для него характерна такая экономика, где знание является основным фактором производства. Концепция «общества надзорного капитализма» Ш. Зубофф описывается в виде экономической теории, осмысливающей контролируемые крупными компаниями типа Google, Facebook, Amazon и др. рыночные механизмы прогнозирования социального мышления на основе больших данных цифровых текстовых «следов» взаимодействия с интернет-браузерами, социальными сетями, приложениями и др. Экономическое под маской «цифровизации» культуры, образования, делопроизводства и т.д. превращает их в интернет-обозначения и приводит к тотальному надзорному капитализму.

По своей сути структуры экономического дискурса заменяют социальную теорию. «Социальное» становится знаком экономического. В итоге экономика и социальное полностью совпадают. Существование таких знаков с отсутствием референтов, тотальное производство и символическое потребление обнаруживают смысловую пустоту, то есть отсутствие изначального социально-бытийственного содержания (Ж. Бодрийяр). Так социальный смысл заменяется стандартизированной экономической формой.

Совпадение социального с его экономическим описанием прослеживается в легитимирующем его историко-генетическом нарративе. Иначе говоря, историческое повествование социального – это путь восхождения экономического на олимп социальной концептуализации. Результаты культурно-технического развития человечества такие, как письменность, бумага, ЭВМ и др., переосмысляются и преподносятся как завоевания экономики (Дж. Гольдштейн). Своего рода пиком разворачивания экономического можно назвать производство не только описания «социального», но и понятийную наполняемость «человека», следствием чего становится утверждение того факта, что вне экономической расчётливости не может быть рационального мышления. Соответственно, целостность социального эксплицируется господствующим экономическим смыслом, который оказывается местом сосредоточения власти, способом контроля и управления всеми социальными структурами.

В современности социальное оборачивается поведенческой экономикой (П. Бурдьё) и трафаретным экономическим образом мышления (П. Хейне). Теперь экономика представляет собой однозначный конструкт или объективную модель. Теоретическая, математически выверенная экономическая модель накладывается на социальное с целью его реформатирования при помощи специального терминологического аппарата. Экономическая теория становится определяющим началом для политического, морального, правового, исторического, научного и иных дискурсов социального (Ф. фон Хайек). Такое неравное взаимодействие самоосновной экономики и политики как социального смысла приводит к стиранию различия между политической целью и средством. В дискурсе морали понятие долга сводится до экономической выгоды, когда «долг» есть, прежде всего, «экономический долг». Социальный смысл права выступает как органон экономики и уже не может претендовать на политическую волю социального. В экономической мыследеятельности происходит слияние политики, морали и права так, что экономика оборачивается тем, что она «одна есть все» в своем «царстве», постольку предстает богом в своей «славе» (Дж. Агамбен).

Проблема заключается в том, что стирание иных смыслов социального не столько намечается, сколько уже произошло. Содержательное многообразие социального растворилось в производственной тотальности дискурса экономики. Как следствие, возникает необходимость преодолеть утрату вариативности описания социального. Поэтому требуется переосмысление социально-экономического дискурса внутри философского языка, предъявляющего социальную целостность.

В диссертационном исследовании объективация экономической науки понимается как ее абсолютизация, благодаря которой обнаруживается смысловая нехватка социального. Такая недостаточность восполняется трансформацией

социально-экономического дискурса, в основании которого обнаруживается субъективное начало. Конструкт «со-бытие бытия» М. Хайдеггера указывает на языковое присутствие (бытие) субъекта. Он понимается в качестве социального мышления, в котором осуществляется со-бытие взаимно дополняющих друг друга языковых конструктов. Социальное включает в себя экономическое и, таким образом, сообщается с ним.

Ж.-Л. Нанси устанавливает, что конструкты бытия являются со-в-местными на основании смысловой сообщаемости. Благодаря чему бытие конституируется как социальное. Тогда оно есть непроецируемое сообщество, то есть социальное не производится, а со-общается через собственные смыслы. Так преодолевается тотальность экономической науки. Экономика не низвергается, но, наполняясь новым социальным содержанием, оказывается необходимым вариантом смысла *socium*.

Появляется возможность говорить об экономическом как одном из присутствующих смыслов или имен социального. В этом плане экономическое понимается в качестве сущностной ипостаси, имеющей свою дискурсивную репрезентацию, наравне с политическим, юридическим и другими языками.

В результате сообщаемость смыслов экономического и социального в философском дискурсе раскрывается как реализация социального мышления в экономической форме. Последнее называется «экономически заряженным мышлением», с помощью которого артикулируется смысловой потенциал социального, переводя его в ресурс экономической теории. В данном ракурсе экономическая ресурсность мышления предстает его креативностью, воплощаясь и выражаясь в предпринимательских проектах.

Степень научной разработанности проблемы

В диссертации рассматривается целостное представление о сообщаемости смыслов социального и экономического, осуществляемой социальным мышлением в структурах социально-философского нарратива (Дж. Агамбен, Х. Арндт, Ж.-Л. Нанси, М. Хайдеггер, О. Н. Бушмакина). Именно поэтому речь идет о социально-философском дискурсе, внутри которого происходит концептуализация бытия социального (Ж. Делез, М. Фуко, Н. С. Автономова, Ю. Л. Качанов, Ю. М. Резник и др.).

Социальное мышление репрезентируется в субъекте, который собирает и разворачивает смыслы, делая их сообщаемыми в дискурсивном пространстве. Единство социального соотносится с социальным субъектом, который описывает и тем самым реализует себя сквозь смыслы социального (П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси, П. Рикер, М. Хайдеггер, А. И. Самсин, А. А. Смирнов, А. Н. Сорочайкин и др.).

Различие между инфиницией «социальное» и дефиницией «социальная теория» заключается в том, что первое предстает как субъективность социального мышления, а второе понимается как объективация его субъективности. В этом плане социальная теория есть не что иное, как объективированный конструкт знания, проявляющий смыслоположенность социального. Именно в объективации возникает и развивается языковая артикуляция, представленная в теоретическом знании и

выражающая дискурсивное поле социального (Р. Барт, П. Рикер, М. Фуко, С. Н. Зенкин, А. А. Шадрин).

Со-бытийность социального и экономического актуализируется через пересечение дискурсов в социальном мышлении. В работах П. Рикера, Г. П. Щедровицкого, О. Н. Бушмакиной, Н. Б. Полякова и др. социальное мышление показано как мыследеятельность. Соответственно, наука о практике (Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек) разворачивается в содержательно новом дискурсе концептуализации социального. Процесс мыслительной деятельности или концептуализации происходит внутри экономического дискурса, то есть посредством экономических метафор. А значит, экономика становится основным концептом понимания общества (З. Баумана, У. Бека, Ф. Бродель, Дж. Ваттимо, М. Вебера, К. Поланьи, О. И. Ананьин). Так концептуализация социального по сути преобразуется в экономическое производство социального дискурса.

При рассмотрении социально-философских конструктов обнаруживаются два варианта концептуального соединения смыслов социального и экономического. Во-первых, экономическая теория захватывает и стирает смыслы социального (З. Бауман, К. Маркс, Г. Маркузе, Л. фон Мизес, Р. Хайлбронер, Н. Б. Полякова и др.). Во-вторых, экономическое как имя несет определенный смысл социальному (Х. Арендт, Ж. Делез, Ж.-Л. Нанси, М. Хайдеггер, О. Н. Бушмакина Г. А. Гольц, В. А. Красильщиков и др.).

Первый вариант задает экономику как самостоятельную сущность, представления о которой соединяются с социальным. При таком взгляде экономика начинает обуславливать социальное. Она становится необходимым ядром социальной теории (М. Вебер, Ф. Коркюф, И. Лакатос, Н. Л. Полякова и др.). Иначе говоря, при таком подходе для социальной теории экономика оказывается теоретической необходимостью, своего рода дискурсивным референтом (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, М. Фуко и др.), или самоочевидной истиной (Р. Декарт, Б. Спиноза и др.). Соответственно, она понимается как господствующий дискурс знания о социальном. Поэтому такой вариант рассмотрения представляет собой производство социального в объективированных структурах экономического языка, который концептуально фиксирует понимание социальных смыслов.

Центральные работы К. Маркса и Ф. Энгельса становятся точкой отсчета понимания экономической науки как основания описания сущности общества, его происхождения и развития. Внутри знаниевого конструкта общества К. Маркса категория «труд» определяется как общественно значимая деятельность. Вслед за Л. Альтюссером, Г. Дебором, Г. Лукачем, Г. Маркузе, Л. Б. Четырковой и др. имеется возможность интерпретировать «капитализацию труда» как сообщаемость смыслов социального и экономического.

Экономическая концептуализация социального подразумевает, что оно выписывается через структуры понятия производства. Соответственно, дискурсивно конструируется потребность социального в экономическом, на основе которой складываются социальные теории. Этот аспект разработан Т. Адорно, Ж. Бодрийяром, Дж. Ваттимо, А. Горцом, П. Козловски, Ш. Зубофф, Г. Маркузе, Э. Фроммом, М. Хоркхаймером и др. В отечественной традиции конструкты воспроизводства, или экономические модели общества, объясняются у

В. С. Автономова, А. А. Зиновьева, В. И. Ильина, Н. Л. Поляковой, А. Я. Флиера и др.

Теоретически выписанная конструкция потребности в производстве раскрывается через категорию разделения труда, предполагающую смысловую включенность в обмен (А. Смит, Ж. Батай, К. Леви-Стросс, К. Маркс, М. Мосс и др.). В исследованиях Дж. Гольдштейна, К. Маркса, Д. Рикардо, Т. Седлачека и др. обмен определяется предикатами «косвенный» и «денежный». Денежный обмен описывается более развитым в социально-экономическом плане, поскольку деньги назначаются универсальным эквивалентом обмена, устанавливающим связность любого обмениваемого. Понятие «деньги» соединяет «человека» с «продуктом труда» и самим «трудом». Так социальное взаимодействие начинает описываться в категориях рыночного обмена. Деньги оказываются понятием, через которое устанавливается смысл взаимного сосуществования. В социально-экономическом дискурсе понятие денег связывает все категории, с помощью которых описывается социальное как обменная структура.

Мыследеятельность как концептуализация происходит посредством связывания смыслов социального, и деньги здесь играют роль универсального посредника. Поскольку концептуализация социального происходит экономическим языком, то деньги оказываются структурообразующим основанием социальных связей. Денежный обмен выписывает весь социум. Денежная форма, благодаря соразмерности, придает социальному рассчитываемость и всеобщую понятность. Поэтому деньги становятся главным способом конструирования социального, а их исчислимый характер позволяет переводить социальную теорию в математическую модель. Экономика денег устанавливает связность социального в виде экономического цикла «производства-потребления». Но такой способ соединения несет в себе только один абстрактный, односторонний экономический смысл сообщества (Ж. Бодрийяра, У. Бьерг, Г. Дебор, Ж. Делез, М. Лаццарато, М. Сюриса, В. В. Кортунов). Таким образом, социальное полностью соединяется с экономикой. Экономика становится абсолютным дискурсом, который описал все социальные структуры, соединяя их деньгами в единое целое.

Вследствие потери сообщаемости социального и экономического, возникает смысловая исчерпанность экономики в самореализации. Экономический дискурс сталкивается со смысловым отсутствием в своей однозначности. Такое состояние определяется как кризисное. В диссертации с помощью понятия кризиса описывается предельный способ существования экономической теории. Смысл кризиса социального рассматривали М. Алле, П. Бергер, П. Бурдьё, А. Гершенкорн, Д. Гребер, П. Друкер, П. Рикер, Т. Седлачек и др. В отечественной философской традиции проблема кризиса анализируется О. И. Ананьиним, Н. А. Бердяевым, В. И. Ильиным, С. А. Пономаревым, Т. Ю. Сидориной и др.

Поскольку невозможно обнаружить выход из кризиса, так как он производится самой экономикой с целью ее собственного воспроизводства (производство производства), то нужно развернуть разговор от попыток экономического преодоления кризиса в сторону его осмысления с позиции социального. По сути это означает возвращение к началу, к причине того, в чем кроется смысл экономической теории вне иллюзорной потребности в ее заново

возникающих циклах (Т. Адорно, У. Бек, Ж. Бодрийяр, Ж. Сапир, Р. Л. Хайлбронер и др.). Иными словами, необходимо поставить вопрос о смысле экономики.

При обращении к смыслу экономики возникает второй вариант концептуализации сообщения социального и экономического. Текстовое разворачивание социально-экономического со-бытия состоит в предъявлении дискурсивной целостности бытия социального через утверждение принципа субъект-объектного тождества (Й. Х. Грант, Ж. Делез, Б. Спиноза, Ф. Шеллинг, О. Н. Бушмакина). В этом плане понятие кризиса используется для интерпретации предельного состояния, в границах которого воспроизводится экономический абсолют. Здесь он оказывается «застывшим» моментом деятельности мышления, внутри которого инфиниция «социального» становится дефиницией.

Метафора «производства» социальной теории оказывается невостребованной в дискурсе саморепрезентации социального. Социальное непроецируемо (Ж.-Л. Нанси), поскольку самореализуется в процессе раскрытия собственного смысла в экономическом состоянии. Иначе говоря, социальное концептуализируется экономическим.

Отсюда возникает социально центрированная экономика, язык которой выписывают Ж. Батай и М. Мосс, а продолжают его развивать Дж. Агамбен, Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делез, Ж. Ф. Лиотар и др. Среди отечественных философов – В. С. Автономов, Г. А. Гольц, В. В. Радаев, Т. Ю. Сидорина, Э. М. Элоян и др. Разворот в интерпретации сообщаемости социального и экономического состоит в смысловой реализации концепта «экономика дара».

По мнению Ж. Батая и М. Мосса, базовым для экономики является понятие экономического обмена, которое берет свое начало в социальном концепте дара. Чистый дар нацелен на со-общение дарителя и одаренного. Ответом на дар является отдаривание – это есть обмен. Значит, дар есть основание, начало и причина социального обмена как смысловой со-общаемости. Концепты дара и обмена также разрабатываются в трудах П. Бурдьё, Ж. Деррида, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и др.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования является структурно заданное бытие социального.

В качестве **предмета** рассматривается предъявление смыслов со-бытия социального и экономического в социально-философских концептах.

Цель и задачи исследования

Целью исследования полагается концептуальная интерпретация со-общаемости смыслов социального и экономического в дискурсивных практиках современности.

Задачи диссертационного исследования:

- 1) показать способы экспликации социального дискурса в экономических концептах;
- 2) проанализировать абсолютизацию экономического дискурса в описаниях социального;

- 3) выявить проблему кризиса самозамкнутой экономики в трансформационных структурах социального мышления;
- 4) обосновать социальные основания экономически заряженного мышления.

Методология и методы исследования

Диссертационное исследование построено на основе теоретико-методологической базы, разработанной профессором, доктором философских наук О. Н. Бушмакиной и апробированной в работах научной школы «Социальная онтология в конструктивно-герменевтическом аспекте» (г. Ижевск, регистрационный номер НШ-5272.2012.6). В рамках школы защищено более 20 кандидатских и две докторские диссертации.

Используемая методология последовательно сочетает в себе несколько методических подходов. Философское рассмотрение сообщаемости социального и экономического задается в рамках целостного подхода, представленного в методе субъект-объектного тождества Ф. В. Й. Шеллинга. Этот метод позволяет конструировать диалог между разными исследовательскими точками зрения вокруг представления о целостности бытия социального. Данное положение дополняется конструктивизмом (П. Бергер, П. Бурдье, Н. Луман, А. Т. Бикбов, Ю. Л. Качанов, Н. А. Шматко и др.) и философской герменевтикой (Г.-Г. Гадамер, Ж.-Л. Нанси, П. Рикер, М. Хайдеггер, О. Н. Бушмакина, А. В. Михайлов, Н. Б. Полякова и др.) в аспекте смыслового единства социального бытия, языка и мышления. Поэтому социальное бытие в диссертационном исследовании понимается дискурсивно.

Абсолютизация экономического дискурса устанавливается через радикализацию философского теоретизирования (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида), указывающего на поглощение экономикой общественных смыслов. Так возникает предел, или граница понимания в дискурсе социального. В данном случае используется герменевтический метод «о-пределивания» М. Хайдеггера. Одновременно точка границы сообщает возможность обнаружить и задать новые смыслы социального через самообращение к собственным субъективным основаниям. Так субъект-объектное тождество классической философии актуализируется в современных методах философствования и способствует сохранению смысловой целостности социального и экономического.

Концептуальная разработка данного методологического принципа позволяет интерпретировать дискурсивную реальность как систему знаний через понятие субъекта социального мышления. С этим понятием соотносено понимание теоретических конструктов социального как продуктов объективации субъективной мыследеятельности, в которых она самоопределяется.

В философско-герменевтических исследованиях (Ж.-Л. Нанси, Х. Арндт) понятие субъекта категориально совпадает с понятием со-бытия как смыслового сообщения. В дискурсивном соединении устанавливается со-в-местность бытия, языка и мышления. Понятие предела возникает в ситуации социально-экономического кризиса. Здесь понятие кризиса интерпретируется в шеллингианской традиции с точки зрения его продуктивности. Кризис предстает предельным объективированным состоянием экономической теории, в котором обнаруживается смысловая нехватка и необходимость субъективации как переосмысления сообщаемости. Она проявляется в ситуации взаимообращения

социального и экономического, когда они оказываются со-положенными друг другу, а потому высказываемыми, или со-общаемыми смыслами социального бытия как со-бытия. Тогда со-бытие бытия предстает концептом, в котором со-общаются наполняющие его социально-экономические смыслы.

Научная новизна исследования

1. Обнаружено, что экономический дискурс определяет направления концептуализации социального, которые именуются «обществом потребления», «индустриальным обществом», «обществом знания», «прозрачным обществом», «обществом доверия», «информационным обществом», «цифровым обществом надзорного капитализма». Концепты «деятельность», «труд», «обмен», «хозяйствование», «рациональность» также начинают трактоваться через экономическое знание. В социально-экономическом дискурсе экономика занимает господствующее положение и уподобляется дискурсу идеологии и религии, именуясь метафорами «одно единственное», «субстанция», «бог», «суверен» и «истина». В результате смысловое разнообразие перечисленных концептов элиминируется и заменяется на одно единственное экономическое значение.

2. Переосмыслено традиционное понятие денег как универсального эквивалента обмена. Благодаря дискурсивному подходу, интерпретация денег расширяется тем, что фиксируется их новое значение – универсальная связность социальных категорий внутри экономически произведенного социального дискурса. В данном аспекте социальные смыслы эквивалентны деньгам, поэтому взаимозаменяемы. Так денежные формы, соединяющие друг с другом социальные структуры, метафорически можно назвать языком. Новый денежный язык сообщает экономическую форму социальному. Денежный знак придает исчислимый характер сообщаемости, тем самым делая математически понятными результаты мыследеятельности и социальных отношений.

3. Выявлена продуктивная интерпретация кризиса. Понятие кризис позволяет обнаружить и выразить предельное состояние экономического абсолюта. С помощью метода субъект-объектного тождества, дополненного социальным конструктивизмом и герменевтикой, задается артикуляция кризиса в качестве возможности трансформации социально-экономического дискурса, в процессе которой происходит субъективация объективных экономических структур, то есть разворот направления концептуализации социального от господства экономики к субъективному потенциалу социального мышления. Экономика показана как ресурсный способ реализации социального потенциала, что по-новому раскрывает со-общаемость социального и экономического смыслов.

4. Разработан концепт «экономически заряженного мышления», который модифицирует рациональность экономики смысловыми ресурсами социального. Продуктивность данного построения заключается в том, что социальная мыследеятельность, понимаемая здесь в качестве ресурсного потенциала предпринимательской креативности, актуализируется в процессе самореализации благодаря «экономической заряженности».

Положения, выносимые на защиту

1. Целостность общества задается через мыследействие, что позволяет избежать интерпретации экономики как общественной сферы (социального института) в виде части, отделенной от социального. Мыследействие, с одной стороны, указывает на социальное мышление, а, с другой, – на социальное действие. Мышление и действие неотделимы друг от друга, поэтому общество осмысливается с помощью социальной теории. Социальное мышление, или мыследействие, рассматривается в качестве смыслозадающего субъекта. Его мышление есть место тождества социального и объективно существующей множественности его вариантов. В диссертации методом субъект-объектного тождества концептуализируется экономический смысл, через который и предъявляется целостность социального.

2. Экономика абсолютизируется и, находясь на пределе, становится мерой совместно осуществляемого рационального мыследействия социального мышления. То, что экономический дискурс определяет социальную мыследеятельность, доказывается а) его уподоблением рациональности и логичности в пространстве дискурса и б) совпадением экономической расчетливости с полезностью и эффективностью. Понятия «общество», «человек», «поведение», «труд» и др. переопределяются через экономический язык, тем самым объективируются в конструкты дискурсивной реальности. Абсолютизация есть общее название для способов объективации, которые выражаются как капитализация, универсализация, математизация, глобализация и монетизация.

3. Универсализация экономики завершается повсеместным распространением денежной формы, с помощью которой смыслы социального сводятся к единому эквиваленту. В таком ракурсе процесс становления экономического универсума имеет значение монетизации как переписывание социального денежным языком. Денежным знаком как универсальной метафорой экономика выхолащивает разнообразие социальных смыслов, тем самым она создает смысловую пустоту, которую возможно выразить понятием кризиса. Он позволяет артикулировать вхождение экономического дискурса в предельное состояние. Кризис обозначается тогда, когда экономическая теория в процессе конструирования модели обнаруживает свою дискурсивную ограниченность и, как следствие, невозможность произвести социальное, а потому вскрывает несостоятельность ее собственной самореализации.

4. Предельное состояние экономики, заключающееся в потере сообщаемости социального и экономического, актуализирует необходимость выхода из кризиса. В рамках дискурса самозамкнутой экономической теории выход предполагает возвращение экономических смыслов и обозначается ре-формированием. Однако показано, что ре-формирование указывает лишь на новый цикл самоутверждения экономики и иллюзорной реконструкции ее со-бытийности с социальным. Выход из кризиса возникает в транс-формации, которая заключается в переосмыслении сообщаемости социального и экономического. Социальное становится определяющим для экономического, что возвращает экономике необходимые для ее существования смыслы.

5. Введение концепта «экономически заряженного мышления» дает возможность продуктивного разрешения абсолютного кризиса. Данный концепт

позволяет раскрыть смысловую со-общаемость социального и экономического посредством представления целостности социального бытия. Происходит возвращение к смысловой наполненности социального, которая выражается в многообразии смыслов и получает требуемый для своей реализации экономический заряд. В такой интерпретации экономика не насаждается социальному, а существует как одно из его имен, артикулируя потенциал социального дискурса. В диссертации показано, что на пересечении дискурсов социального и экономического возникает субъект, позволяющий рассматривать целостность социального мышления через процесс его реализации в экономических структурах.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость состоит в конструировании целостного представления о со-бытии социального и экономического в структурах социальной философии. Концептуальная интерпретация смысловой со-положенности социального бытия задана на субъективном основании со-общаемости смыслов в социально-экономической реальности. В этой связи особое значение обретает философская интерпретация «экономического» в аспектах теоретизирования социально-экономического кризиса, санкционной политики, функционирования сообщества в обрамлении рынка и связанного с этим процессом цифровизации. Практическая значимость работы заключается в возможности дальнейших теоретических разработок социально-экономической реальности на междисциплинарном уровне в возможных вариантах ее самоактуализации. Выводы, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут быть использованы в процессе изучения дисциплины «Философия» и социально-философской проблематики.

Востребованность тематики исследования отмечена включением диссертанта в «Программу поддержки молодых и перспективных научно-педагогических работников Удмуртского государственного университета» решением ректората ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», протокол №5/2-07.02.2022 от 07 февраля 2022 года.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования отражены в 12 публикациях, из которых 4 являются научными статьями, опубликованными в рецензируемых журналах, входящих в реестр ВАК РФ, а 8 – научными статьями в сборниках конференций.

Основные положения диссертации неоднократно обсуждались на семинарах в рамках работы межинститутской-философской мастерской «Дело мышления», были представлены на Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Классический университет: история и современность» (Ижевск, 2021), на Международной конференции «Религиозна идентичност и светоглед-3. Философията на Хегел и религията – 250 г. Г. Хегел» (София, Болгария, 2021), на Международной конференции «Трансформация реальности: стратегии и практики: 5-й молодежный конвент УрФУ» (Екатеринбург, 2021), на Международных научно-образовательных конференциях «Садыковские чтения» (Казань, 2021, 2022), на II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции

«Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция. ФИКОС-2022» (Ижевск, 2022), а также на Международной научной конференции «Бренное и вечное: культурные индустрии в социальных контекстах» (Великий Новгород, 2022) и опубликованы в ряде сборников статей по итогам конференций.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения и списка литературы, содержащего 223 наименований. Общий объем диссертации представлен на 174 страницах, основной текст — на 156 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, анализируются задачи, обосновываются методологические основания, раскрываются научная новизна и теоретико-практическая значимость исследования, фиксируются результаты апробации работы.

В первой главе «Проблема абсолютизации экономического в дискурсивном производстве социального» показано, что экономический язык становится универсальным однозначным способом концептуализации общества, в результате чего экономическое описание превалирует в конструировании дискурса социального, тем самым конституируется социально-экономическое единство.

Первый параграф первой главы «Экспликация социального дискурса в экономических концептах» начинается с обнаружения проблемы абсолютизации концептов экономики в смыслополагании социального дискурса. Показано, каким образом в процессе концептуализации посредством экономических метафор достигается смысловая связность социальной теории.

Обозначается разница между концептом и понятием. По Ж. Делезу, концепт сообщает со-бытийность и целостность смыслов. Понятия выступают формой мысли, отражающей общие признаки, свойства предмета, тем самым они классифицируются и различаются между собой как вид и род. Понятие всегда определено, а потому выражает конечное. Концепт, напротив, представляет собой множественную связь и вбирает бесконечно обнаруживаемые новые смыслы, которые как бы «скользят» внутри слова-концепта в виде движения его означающих. Содержание концепта всегда специфично, оно ухватывается в процессе понимания с помощью понятий и контекстуально. Движение мысли есть также совершаемое ею действие (мыследействие). Делается вывод, что мышление в своем действии всегда деятельно и концептуально.

Уточняется, что предмет исследования – со-общаемость смыслов социального и экономического в социально-философских концептах – рассматривается в диссертации с точки зрения дискурсивного подхода. Однако это не мешает показывать, что дискурс актуализируется в процессе его перевода из теории в практику речи. Для этого используется концепт реальности, имеющий здесь лишь дискурсивную форму. В этом отношении он употребляется, прежде всего, сквозь объяснительные структуры М. Фуко.

В процессе мыследеятельности концепт собирает смыслы социального в единое целое. Обнаруживается, что социальное артикулируется через понятия «производство», «потребление», «деньги», «рынок» и др. Иначе говоря, рефлексия социального осуществляется преимущественно через экономические понятия, выступающие здесь в качестве метафор. Сама деятельность как мыследеятельность становится обозначаемой экономическим языком.

В диссертации показано, что Л. фон Мизес задает экономическую трактовку понятия деятельности, обозначив ее наукой о праксисе – праксиологией. Деятельность рассматривается как концепт, через который «протягивается» экономическое значение. Тем самым получается, что смысл человеческой деятельности репрезентируется через экономический язык. Логика экономики

понимается Л. фон Мизесом универсальной рациональностью здравого рассудка и оказывается единственно верной, поскольку выражает очевидную логику дискурса повседневности. Из чего следует неразличимость экономической и человеческой мыследеятельности. Через интерпретацию мыследеятельности как концептуализации социального в производстве его дискурса утверждается господство экономики.

Далее в диссертации исследуется ретроспектива смыслоположения социального экономическими структурами с целью актуализации современного властвующего состояния экономики. Показано, что исторический нарратив социального интерпретируется сквозь призму экономического и нет возможности установить начало такого способа понимания и отделить его. Как пишет Т. Седлачек, экономическое уже содержится в древнейших письменных памятниках. Он анализирует «Эпос о Гильгамеше» и указывает на находящийся там экономический смысл человеческой и божественной деятельности. Дж. Агамбен продолжает рассмотрение исторического подтверждения господствующего статуса экономики в социальном мышлении. Обращаясь к историческому контексту, в ранних средневековых религиозных текстах он находит различные употребления термина «ойкономия», и обнаруживает в них метафору божественного. Исследователем изучается вопрос о том, как концепт экономики переопределяется в таких смыслах, как «домострой», «управление», «деятельность», «порядок» до предельного представления о ней как о «боге».

Заключается, что в интерпретациях текстов прошлого о социальном намеренно вкладывается экономический смысл, чтобы вскрыть их значение. В результате получается, что от него как бы невозможно отстраниться. Из чего делается вывод, что экономика обосновывается через историческое повествование развития социального. Так, в процессе концептуализации социальное оказывается экономическим. Логика мыследеятельности, представленная экономической рациональностью, оборачивается объективными структурными законами дискурсивного социального взаимодействия. Если традиционно экономика понималась как одно из объективных значений социального, то теперь констатируется, что она включает его в себя. Это значит, что социальные теории являются по своей сути экономическими в дискурсивном производстве социального. Ретроспективно уже не найти начала экономической интерпретации, чтобы вернуть многовариантность смыслов описания общества, утраченную по причине современного гипостазирования экономики.

В диссертации потеря множественности смыслов социального и его совпадение только с одним экономическим значением обозначается переворотом. Смена точки зрения связана с отказом от рассмотрения социального иными, неэкономическими способами. Здесь возникает необходимость обратиться к другому способу смыслоположения сообщаемости социального и экономического, то есть развернуть позицию рассмотрения социального из экономики к его вариативности.

Для переосмысления установившейся социально-экономической совместности деконструируется марксизм. В его основании лежит идея экономической объективации социальных смыслов. Рассматривается конструкт исторического материализма, где социальное интерпретируется как внутренняя соположенность

общественно-экономических формаций. В качестве логического корпуса формационного учения располагается теория способа производства, так как в зависимости именно от него выделяются типы общества.

Соответственно, общественный конструкт определяется особым способом производства. Здесь концептом, связующим социальное и экономическое, становится труд. По причине включения труда в теорию производства он сливается с экономическим аспектом деятельности и по содержанию перестает быть социальной категорией в своем изначальном смысле. Он становится ключевым понятием политической экономии. Описание социального через концепт труда полностью опирается на научный категориальный аппарат политэкономии так, что принципами его объективности оказываются только экономические.

Происходит переопределение концепта труда. Его концептуализация движется в направлении от социального смысла к экономическому значению. Такое целенаправленное движение в тексте диссертации обозначается экономизацией социального, которая выражает объективацию его смыслов и становление экономического абсолюта. Отмечается совпадение экономизации и концептуализации как процесса объективации социального.

Такая объективация впервые обнаруживается в марксистском конструкте капитализации труда. Смысл труда получает свое производственное определение, состоящее в следующем. Во-первых, труд в плане производства связан с понятием качества и количества товарной формы. Во-вторых, марксистская теория указывает на социально-экономическую со-бытийность, расположенную в концепте труда, а именно со-положенность разделения труда и количества рабочего времени, составляющего меновую стоимость. Таким образом, экономизация труда осуществилась через соединение понятия «разделения труда» и «обмена». Причем, важно, что экономически понимаемое разделение труда обосновывается экономически понимаемым обменом. В этом заключается проявление самополагания и самодостаточности экономического дискурса, когда он находит свои основания в самом себе.

Зафиксировано, что экономическая теория существует в пространстве обмена, где функционирует денежная форма. Тем самым внутри замкнутого экономического дискурса возникают отношения между ее структурными элементами. Универсальной и чистой формой обмена является денежный вид. Тогда сущность экономического проявляется в денежном обмене и определяется как рынок. Поскольку социальное и экономическое концептуально соединились, то рыночная интерпретация распространяется и на социальные структуры (Н. Б. Полякова).

В результате теория социального существования по своей сути оказывается рыночной, где в скрытом или явном виде используются метафоры конкуренции, потребности и производства. Всех их объединяет общая и универсальная метафора денег, которая вносит в категории социальных отношений экономическую ясность. Иначе говоря, денежный обмен как экономическая рациональность выражает социальный порядок. Так Ж. Бодрийяр деконструирует теорию языка Ф. де Соссюра и обнаруживает в ней теорию стоимости К. Маркса. Таким образом, происходит соединение денежного символического обмена со структурной семантикой языка. В

диссертации Бодрийярская интерпретация позволяет рассматривать деньги в качестве экономического языка конструирования социального.

Делается вывод, что экономика является общим дискурсом описания социальных структур, сведенных до односторонних рыночных отношений посредством капитализации труда как экономизации социального. В связи с этим доказываем, что сегодня экономический смысл понимается как определяющий, полностью совпадающий с социальной теорией, соединяющий социальные понятия в единое целое. Такой процесс абсолютизации экономики превращает ее в идеологическую языковую систему социального дискурса.

Во втором параграфе первой главы «Абсолютизация экономического описания социального и его кризис» категориально деконструируется экономический абсолют. Критическое рассмотрение понятия абсолюта (от лат. *absolutus* «безусловный») в работах таких философов, как И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель, У. Эко и др. позволяет определить его в значении «один единственный». В такой интерпретации обнаруживается самозамкнутость экономики, поскольку тогда полагается, что она есть одна. Общество, развиваясь экономически, ссылается на экономическое же основание; для описания социума экономика становится объективным ориентиром. В данной установке экономика самополагается, концептуализируя саму себя в виде социального. Так проявляется субстанциональность в ее самозамкнутости.

Л. фон Мизес развивает эту идею дальше, заявляя, что экономика становится единственной логикой развития общества. Она самолегитимируется, вытесняя полилогизм. В такой ситуации логическая форма социально-экономической мыследеятельности становится универсальной рациональностью, принимая вид денежного расчета.

Выявляется, что экономика становится мерой социальной мыследеятельности и, следовательно, критерием истинности прочтения концепта социального. С точки зрения прагматической концепции экономическое знание трактуется как принцип полезности (Ч. Пирс). В понятии полезности знания схлопываются истина и экономика. Любое знание, проецируемое в аспекте истины, становится экономическим, следовательно, экономика является абсолютной истиной.

Заключается, что истинность экономики указывает на ее тотальный и всеобщий характер. Экономическая истина предстает одной единственной идеей блага, в чем проявляется ее метаидеологический характер, стоящий над и сверх политически ангажированными и прочими социальными структурами.

Таким образом, абсолютная экономика как «одно» подводит под один знаменатель логики, идеологии и варианты рациональности. Вместо полилогизма утверждается одна экономическая логика. Вместо идеологий – метаидеология, которая отрицает наличие каких-либо идеологий (Ф. Фукуяма). Вместо иррационализма – расчетливый рационализм. Так предъявляется тотальный, универсальный, экономический абсолют, самовоплощающийся в денежном расчете.

Для экономического абсолюта математика становится способом или инструментом выражения своей истинности. Анализ работ Дж. Ритцера указывает на дискурсивное производство как моделирование социальной теории и праксиса. Математические модели экономики полагают идеальное устройство социального.

Внутри замкнутого экономического абсолюта происходит саморазличенность. Она может быть выражена с помощью понятий субъекта и объекта. Тогда субъектом экономического абсолюта выступает сама производящая экономика, а ее объектом производимое ей социальное как готовый конструкт/модель. Здесь социальное оказывается заданным экономикой, объективированным результатом ее становления. Оно производится не само как субъект, а создается экономикой – тем, что как бы больше не является социальным. Одновременно с этим устанавливается некая внутренняя трансценденция экономического от объективированного не-экономического или экономически произведенного социального. Абсолютизированный субъект экономики не узнает себя в своем социальном подобии, копии. Попытки элиминировать несовершенство приводят экономику к необходимости создания новых моделей, стремящихся усовершенствовать социальное окончательно через конструирование его универсальной формы (экономической модели).

По мнению М. Вебера, такая экономическая трансценденция имеет религиозный характер. Метафорически религиозное прочтение экономики позволяет ей полагать себя абсолютным субъектом. Воля бога, точно так же, как принцип *ratio*, обнаруживается в экономическом способе мыследеятельности, которая совпадает со здравым смыслом.

Эти рассуждения подкрепляются исследованиями Дж. Агамбена, который указывает на божественное начало экономики, устанавливающее целенаправленную деятельность, устройство общества и мира, миропорядок. Поскольку суверенитетом наделен бог, постольку суверен правит от имени бога. Таким образом, экономика становится тем Словом, которое объединяет в себе право и политику. Миропорядок экономического абсолюта становится причиной глобализма (У. Бек), представляя собой универсальный и тотальный суверенный мета-закон как мета-язык.

Вследствие анализа обнаружен предел такой трактовки экономики, показателем чего является парадоксальность, или логический тупик, заключающийся в производстве «не-экономического» экономическим языком, в возникновении «не-совершенства» в совершенной математической форме экономики. Данная раздвоенность позволяет обнаружить мнимость самозамкнутости экономического дискурса и приводит его к необходимости констатации своего кризисного состояния.

Смысловой кризис фиксирует различенность самозамкнутой экономики. П. Рикер утверждает «кризис» как «кризисы» в своей множественности, каждый из которых необходим для возобновления экономического производства социального. Иначе говоря, кризис объявляется «естественным» состоянием социально-экономического дискурса, а, следовательно, состоянием перманентным. Экономическое понимается как абсолютное состояние, а произведенное экономикой не-экономическое – как кризисное состояние. По сути, дискурс экономики располагается в языковой реальности, где одним пределом является абсолютный метаязык, а другим – выступают дискурсивные порядки экономического кризиса. Временное отношение указывает на цикличность и повторяющийся характер экономических кризисов, возобновляющих абсолютность. Кризисное и абсолютное состояния социально-экономического дискурса начинают совпадать.

Кризис как потребность в самой экономике фиксирует ее самозамкнутость. Она производит кризис как потребность в себе. В том, что кризис распространяется на все социальное, проявляется особое значение абсолютности экономики. Кризисное местоположение экономики позволяет ей обратиться к себе и сформировать собственное содержание в очередных математических моделях, вариантах рационализации, расчета, анализа статистики и т.д.

Таким образом, абсолютизация экономики манифестируется в процессах экономической метафоризации, универсализации, стандартизации, математизации и др. Абсолютизация переписывает социальные действия универсальными денежными знаками, а сам денежный обмен/рынок полностью заменяет социальный обмен. Метонимически выражаясь, социальная жизнь агоры – центра древнегреческого полиса – оборачивается всего лишь рынком. Когда денежное выражение экономически обозначенного социального не совпадает с экономическими математическими моделями, возникает кризис. Он выступает основанием абсолютности экономики, так как посредством кризисного состояния она саморазличается и задает движение внутри себя. Таким образом, экономика располагается в пределах дискурсивных конструкторов абсолютного и кризисного состояний.

Во второй главе диссертационного исследования «Осуществление социального дискурса в со-бытии экономических смыслов» обосновываются варианты воспроизводства социально-экономического дискурса в процессе его ре-формации. Благодаря транс-формации обнаруживается возможность переопределения экономики социальным. Возникающая сообщаемость смыслов социального и экономического рассматривается в со-в-местности ресурсного потенциала социального мышления и его реализации в логике конструктора экономически заряженного мышления.

В первом параграфе второй главы «Выход из дискурса кризиса самозамкнутой экономики в трансформационную структуру социального мышления» экономика интерпретируется в логически взаимоопределяющихся категориях самовоспроизводства: потребность и производство. Значение понятия потребности указывает на то, чего нет, поэтому является негативным. Иначе говоря, потребность появляется в социально-экономическом дискурсе по причине отсутствия или нехватки в чем-то определенном. По сути определенная языком негативность представляет собой определенную пустоту, неполноту, которая подразумевает возможность или желание ее восполнения, что осуществляет производство. Становится явным, что в основе смысла производства лежит пустота.

Производство пустоты есть декларация потребности для обоснования самой необходимости в провозглашенном сообщении. Поэтому потребности оказываются мнимыми. Согласно Г. Маркузе, в конструкторе развитого индустриального общества становится невозможно различить понятие реальной и ложной потребности.

К. Маркс обнаруживает универсальное значение потребности, которым является потребность в деньгах, или потребность в денежном значении. Получается, что необходимо производить дискурс отсутствия денег с целью постоянно возобновляемой потребности в них. При этом в дискурсе начинает присутствовать не само потребляемое, а его знак/символ. Сведение или возможность сведения

потребностей до денежного знака придает потребностям символический характер (Ж. Бодрийяр).

При анализе структуры производства потребности выясняется, что экономические формы актуализируются пустыми, то есть негативными определениями. Для подтверждения этих рассуждений используются размышления У. Бьерга в работе «Как делаются деньги» об аналитических и синтетических суждениях И. Канта. В модальности аналитических суждений экономика обращается к себе самой и утверждает о себе то, что уже включено в ее самоопределение. В данном случае она равна себе, поэтому в таких суждениях отсутствует внутренняя различенность.

Таким образом, производство и потребность совпадают в своей неразличности. В модальности синтетических суждений экономика утверждает себя через то, что не учтено в ее понятии, то есть через не-экономическое, которое как раз таки выступает в значении произведенной потребности, то есть как негативная форма. Получается, что экономика в структурах самозамкнутости должна произвести негативную форму, чтобы вызвать потребность в производстве. Точно также, на пределе экономика производит негативную форму экономического, создавая этим самым потребность как нуждаемость в продолжения себя. Такой предельно негативной формой является кризис. Заполнение негативных форм содержанием интерпретируется как выход из кризиса, когда экономика обращается к не-экономическому, то есть устремляется внутрь себя, к производству потребности в себе. Так обнаруживается не-абсолютное присутствие экономики в сфере знания как производство потребности науки в экономических структурах.

Констатируется обращение экономического дискурса к науке с целью наполнения смыслами. Выявляется проблема экономизации научного знания. Наука становится не самодостаточной, свою деятельность она полагает сквозь призму экономической необходимости. Следствием такого переопределения смысла знания является становление экономически ориентированных научных принципов конвенционализма и прагматизма.

Анализу знания в самозамкнутом конструкте экономики посвящены исследования А. Горца. Он размечает выходы экономики из кризиса, посредством установления сообщаемости когнитивного капитализма и «общества знания». Наука оказывается востребованным фактором производства, указывающим на его развитие. Редукция знания к потребности в основании производства приводит к его объективации в понятии «пользы». Соответственно, технические и некоторые естественные науки определяются прагматично с точки зрения их применимости в предпринимательской деятельности и бизнесе. Напротив, гуманитарное знание объявляется не обладающим явно определяемой рентабельностью, а потому бесполезным и не-нужным. Целостность экономически положенных познавательных структур научной коммуникации начинают задавать деньги. Монетизация науки становится мерой научной деятельности.

П. Бурдьё указывает, что в социально-научном дискурсе распространилось представление об экономическом знании, являющемся основанием мыследействия. Абсолютизация экономики по отношению к научно-риторическому поступку (производству знания в текстах) раскрывает вложенную в них рациональную сущность. В этом плане мыследействие ученого встраивается в рыночную логику

выгоды и обмена. Производится только такое знание, которое является рентабельным/стоимостным, то есть обладает не качественными, а количественными меновыми показателями. Экономический язык переписывает социально-научный дискурс, тем самым начинает производить мыслительные структуры, или сущность человека.

Описывается конструкт *homo economicus*, то есть человека, который неотделим от экономики и представляет собой потребителя. В диссертации под производством человека понимается производство потребления. Поскольку производство потребления представлено в качестве потребности самой экономики, то человек-потребитель также является негативным конструктом и поэтому обозначается знаком потребления как такового.

В понятии потребления совмещается пустота в виде нехватки производства и избыточность, которая нивелируется в потребности. Таким образом, пустота и избыточность совпадают в концепте потребления. Сообщаемость потребности и производства, которая обнаруживается в знаке «человек-потребитель» обозначает социальную мыследеятельность. Возникает конструкт «общество потребления», суть которого заключается в том, чтобы потреблять для постоянно возобновляющегося экономического цикла, когда произведенное заполняет потребности, то есть потребляется, и вновь производится.

Анализ конструкта «надзорного капитализма» Ш. Зубофф позволяет рассмотреть теорию прогнозируемости социального мышления человека в цифровом пространстве как новую форму контроля потребления – надзор и предопределение мыследеятельности. Цифровые виртуальные следы пользователя в поисковике браузера, которые собираются в базах данных, *big data*, обрабатывает искусственный интеллект и на их основе выстраивает прогнозные продукты, определяющие стоимостные характеристики производства внутри экономического цикла.

Делается вывод, что конструкт выхода из кризиса одновременно с этим есть возврат в замкнутость экономики, внутри которой производство потребностей и потребления зациклено на самом себе. Это представляет собой реформацию экономического абсолюта, а значит, самовозобновление кризиса. В диссертации заявляется, что тогда выход из кризиса возможен либо как полное уничтожение экономической теории, либо как ее трансформация. «Транс-», как выход «за-» экономическую форму, предполагает не только обнаружение социального целого в его самодостаточности, но и позволяет сохранить экономическое как смысл социального.

В исследовании обосновывается вариант выхода из кризиса, заключающийся не в самообращении и не в уничтожении экономики, а в ее смыслоположенности, которая задается в диссертации посредством интерпретации концепта со-бытия бытия социального, иначе говоря сообщение экономического смысла социального. Таким образом, трансформация позволит выйти из дискурса кризиса, сохранить и задать новые смыслы экономического, вернуть социальное в своей самодостаточности.

Обращение к трудам Ж.-Л. Нанси позволило доказать, что смысл экономики возможен только как социальный смысл. Следовательно, необходимо обратиться к экономическому как одному из смыслов социального. Тогда экономическая

структура начинает рассматриваться как его имя, «обрамление», заключающее в себе социальный смысл.

Трансформация со-бытия социального и экономического устанавливается в речевой манифестации экономических санкций. Следствием декларативного функционирования ограничений для отдельного государства и исключения из повестки мировой экономики становится его переориентация («пере-» как «транс-») на внутреннюю социальную ресурсность. Декларация санкций оказывается прямо противоположной ее экономической цели: внешние ограничения становятся внутренними возможностями.

Результаты теоретизирования трансформации предстают, во-первых, в виде интерпретации экономических санкций, дискурсивное использование которых размыкает абсолютную глобальность экономики в мировом сообществе и манифестирует ее социальную смыслоположенность, тем самым подтверждая выводы данной части диссертации. Во-вторых, в виде экономики дара, в дискурсе которой экономические формы осмысляются исходя из социального основания, предьявляя социальную (не-экономическую) точку зрения на экономическое.

Исследование разворачивается в концепте со-в-местности М. Хайдеггера, Х. Арндт, Ж.-Л. Нанси. Это «место» со-положенности социального и экономического. Одно со-общается с другим в со-бытии их дискурсивности. Экономический смысл предстает социальным, с помощью которого возникает внутренняя различенность. Экономическое обнаруживается как «связанная разделенность», а социальное – как «разделенная связность», то есть одновременность множественности смыслов. Концепт «социальное» интерпретируется смысловым единством, связывающим различенность в целое.

Во втором параграфе второй главы «Социальные основания экономически заряженного мышления» исследуется дискурс социального через метафорические имена, которые задают смыслы экономическому.

Концепт труда, в котором сообщаются смыслы социального и экономического, интерпретируется через социальное. Во-первых, ссылаясь на исследования Х. Арндт, указывается на различие между понятием производящего и непроизводящего труда. Следовательно, экономическое понимание труда уже не является единственным. Возникает вариативность, указывающая на социальные основания. Во-вторых, производящий труд определяется как общественно значимый и находится в значениях публичной сферы, тогда как непроизводящий труд является общественно незначимым и причисляется к частной сфере. В-третьих, публичное определение труда указывает на понятие хозяйства, покрывающее все общество. В свою очередь частный труд обозначает домо-хозяйство.

Устанавливается, что концепт труда разворачивается через социальные смыслы от понимания его как частного домохозяйства к его определению в значении публичной сферы. Таким образом, Х. Арндт задает направление движения смыслов концепта труда, и указывает, что К. Маркс описал труд в понимании только его эпохи, то есть застал уже развитое состояние смысла труда.

Труд, интерпретируемый через домо-хозяйство как свою «новую» социальную основу, указывает на человека как хозяина, который осуществляет свое социальное мышление, в отличие от человека-потребителя, мыслящего экономически.

В этом плане в конструкте «домо-водства» задается смысл заботы о социальном языке, в котором обнаруживается ресурсность социального. Таким образом, с помощью ценностей «языководства» возникают правила «языковедения». Мыследеятельность совпадает с понятием жизнедеятельности как «жизни ума» (Х. Арендт), проявляя свою суть в рационально упорядоченном конструкте хозяйствования, который предъясняется в интерпретации труда в социальном. Здесь экономическая теория труда интерпретируется как логическая форма, которая актуализирует социальный смысл.

Исследуется со-общаемость экономической логики и социального смысла в конструкте их совместности в социальном мышлении. Выясняется, что логика сообщает смыслу экономическую форму, обрамляет его, тем самым реализуя смысл. Логика смысла есть целостность со-бытия социального и экономического. Основоположение экономического в социальном подразумевает, что экономической логике сообщается социальный смысл.

Для того чтобы показать план экономики как логики осуществления социального мышления, вводится и обосновывается концепт «экономически заряженного мышления». Его суть состоит в том, что экономическая форма организует социальный потенциал и превращает его в заряд, сила которого представляет собой реализацию социального мышления. Данный концепт позволяет по-новому интерпретировать «креативность» и «предпринимательство». Они представляют собой социально-смысловое содержание экономически заряженного мышления. Переосмысление значимости гуманитарного знания указывает на то, что оно становится источником открытия потенциальной ресурсности социально-экономического субъекта.

Мыследеятельность направляет социально мыслимую ресурсность, воплощающую креативный потенциал субъекта, к языковому ресурсу, исчерпывающемуся в редкости как в предельном значении исчезающего бытия социально-экономического дискурса.

Обосновывается саморепрезентация целостности со-бытия социального в его субъект-объектной расположенности. Для этого используется конструкт «онто-социо-логос». Данный конструкт раскрывается в трех связанных воедино частях. «Онтос», по М. Хайдеггеру, есть социальное мышление как само бытие. «Логос» есть язык, обозначаемый здесь экономическим словом (П. Рикер). «Социо» есть точка со-вмещения «онтоса» и «логоса» (Ж.-Л. Нанси). «Социо» сообщает мышлению социальное имя в виде экономического языка. Субъект социально-экономической реальности в структуре «онто-социо-логоса» является точкой тождества субъективного потока социального мышления и объективированного социального действия как экономического слова. Данный вывод концептуально соответствует философии тождества и встраивается в ее нарративы (научная школа О. Н. Бушмакиной «Социальная онтология в конструктивно-герменевтическом аспекте»).

Делается вывод, что социальное не производится экономикой, а напротив, экономика является способом самоосуществления непроизводимого сообщества (Ж.-Л. Нанси). «Онто-социо-логос» обнаруживается как конструкт единого целого социального. Непроизводимое сообщество показано как смысловая ресурсность,

потенциал которой может быть раскрыт и реализован при ее обрамлении в определении экономического ресурса.

Экономика может раскрываться через понятие ресурса, то есть как то, что придает форму смысловой ресурсности. Тем самым такая форма имеет продуктивность, а именно вносит исчислимый, а потому реализующий смысл характер. Ресурс раскрывается через «редкость», которая подразумевает конечность, заканчиваемость. По сути реализованность социальной ресурсности состоит в придании ей определенных рамок.

Далее в диссертации рассматриваются традиционные ресурсы «земля», «труд» и «капитал», которые существуют внутри социально-экономического дискурса и переосмысляются в точке субъекта, внутри которого со-общаются и со-единяются их разные смысловые интенции. «Ресурс» как имя-форма социальной смысловой ресурсности натурализуется и рационализуется в понятии «редкость». Она означает ограниченность, исчерпаемость и исчислимость «ресурса», следовательно, возможность реализовать смысловой потенциал. Социальная ресурсность «капитала» через предельно-объективные цифровые деньги являет себя в форме цифрового пространства мирового сообщества. «Труд», благодаря цифровому универсуму, осуществляется как самозанятость. Переосмысление «земли» как ресурса приводит к ее интерпретации в качестве знаниевого конструкта таким, как его полагает – вслед за Б. Спинозой – Ф. В. Й. Шеллинг, то есть как природы творящей и природы сотворенной. Это подтверждается выводами В. И. Вернадского о ноосфере как смыслозадающей основе биосферы. Описывается основание для экологии как аспекта экономического осуществления социального.

В конструкте «онто-социо-логос» иначе интерпретируется «человек». С точки зрения «экономики», человек есть ресурс. Его социальная ресурсность реализуется в человеке как в профессиональном кадре. Алгоритмизация процессов человеческого труда выносятся в машину, позволяя осуществляться творческому потенциалу человека. Экономически заряженное мышление позволяет продуктивно рассмотреть экономический смысл.

Итак, началом объективированного экономического состояния объявляется субъективное социальное бытие. Целостное бытие экономики, заданное в точке субъекта, располагается в социально-экономическом дискурсе. Оно актуализируется в со-бытии социального и экономического, их сообщаемости в «онто-социо-логосе», где раскрывается совместность объективного экономически заряженного мышления и субъективного социального мышления. Со-общаемость социального и экономического осуществляется в точке субъекта и предъявляется в социально-философских исследованиях. Субъективно мыслимое социальное бытие полагается языковой определенностью со-бытия экономического, оказываясь одним из его смыслов.

В заключении подводятся итоги проделанной работы, обобщаются выводы двух глав. Констатируется предполагаемая направленность на цифровую совместность и новые смысловые разворачивания социального целого через имя «экономики». Намечается возможность актуальной фиксации субъективных оснований экономически заряженного мышления в языке как местоположении социально-экономического дискурса. Общий итог диссертационного исследования

состоит в продуктивном представлении со-бытия субъективно положенного социального, объективированного в экономическом.

**Основные результаты диссертационного исследования отражены в
следующих публикациях:**

I. Научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, входящих в реестр ВАК РФ:

1. Шамшури́н А. А. Концептуализация «социального» в историко-экономических интерпретациях / Н. Б. Полякова, А. А. Шамшури́н // КАНТ. – 2021. – №1 (38). – С. 153-161.
2. Шамшури́н А. А. «Экономика» в прагматологической теории Л. фон Мизеса: социально-философский аспект // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – №11 (457). – С. 95-101.
3. Шамшури́н А. А. Пред-положенность философского текста: от истории к цифре // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2021. – Вып. 3. – С. 86-97.
4. Шамшури́н А. А. Экономические смыслы социального: между культурой и индустрией // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – №5. – С. 24-35.

II. Научные статьи и труды в сборниках конференций:

1. Шамшури́н А. А. Социально-философское измерение человека: от человечности до трансгуманности / Н. Б. Полякова, А. А. Шамшури́н // Сборник научных статей Восьмого Российского Философского Конгресса «Философия в полицентричном мире». – М.: Издательство «Логос», 2020. – С. 1230-1233.
2. Шамшури́н А. А. Экономические реалии современного университета: язык денег и язык образования // Материалы II-й Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 90-летию Удмуртского государственного университета «Классический университет: история и современность» (Ижевск, 29 января 2021 г.). – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. – С. 239-245.
3. Шамшури́н А. А. Социально-философское осмысление экономики в структурах объективации / Н. Б. Полякова, А. А. Шамшури́н // Материалы международной конференции «Религиозная идентичность и светоглед-3. Философията на Хегел и религията – 250 г. Г. Хегел». В 2 ч. Ч. 2. Философия, методология, религиозное знание. – София, 2021. – С. 412-421.
4. Шамшури́н А. А. Гиперреальность как концепт метанарративности социального // Материалы Международной конференции 5-й молодежный конвент УрФУ «Трансформация реальности: стратегии и практики» (Екатеринбург, 25–27 марта 2021 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. – С. 591-593.
5. Шамшури́н А. А. Обмен знаками в цифровой экономической реальности: деньги, баллы, криптовалюта // Материалы Международной научно-образовательной конференции «VIII Садыковские чтения. XXI век: вариативность человеческого» (Казань, 19–20 ноября 2021 г.). – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – С. 224-231.
6. Шамшури́н А. А. Реализация творческого потенциала мышления в экономической креативности // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Философские контексты современности:

искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция. ФИКОС-2022» (Ижевск, 25-26 февраля 2022 г.). – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2022. – С. 99-102.

7. Шамшури́н А. А. Конструирование биорационального человека внутри социобиологической общности // Материалы Международной научно-образовательной конференции «IX Садыковские чтения. Зияющие высоты. Памяти А. А. Зиновьева» (Казань, 21–22 октября 2022 г.). – Казань: Издательство Казанского университета, 2022. – С. 164-170.

8. Шамшури́н А. А. Предпосылки самопроизводства социального в концепте «культурные индустрии» // Материалы Международной научной конференции «Бренное и вечное: культурные индустрии в социальных контекстах» (Великий Новгород, 21–22 ноября 2022 г.). – Великий Новгород: Издательство Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2023. – С. 7-11.